

УДК 81'276.6

Касаева З.В.*Санкт-Петербургский государственный университет***ОБ ОСНОВНЫХ ЧЕРТАХ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ
(ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)**

Аннотация. В предложенной статье рассматриваются проблемы организации и структуры устной речи. Выявлены аспекты влияния профессии на речь человека и формирование её спонтанности. Определены психологические признаки спонтанной речи в наше время. Отмечаются факторы соотношения спонтанной речи с такими оппозиционными парами, как устная и письменная речь; разговорная и литературная речь. Делается вывод, что устная спонтанная речь организуется в соответствии с основной задачей говорящего – быть понятым. На уровне подсознания и сознания ведется отбор средств для достижения этой цели. Отмечается, что в процессе устного, непосредственного, общения, в отличие от письменного, опосредованного, обмен информацией протекает сразу по нескольким каналам: слуховому, зрительному и т. д., что обуславливает перераспределение информационной нагрузки между ними, а спонтанность речи делает её структуру фрагментарной, неупорядоченной, негладкой.

Ключевые слова: спонтанная речь, устная речь, язык, изучение речи, русский язык, филология.

Z. Kasaeva*St. Petersburg State University***ON THE MAIN ASPECTS OF STUDYING OF THE SPONTANEOUS SPEECH
(GENERAL COMMENTS)**

Abstract. The article discusses problems of the organization and structure of oral speech, it reveals the aspects of influence of a profession on the speech of the person and formation of its spontaneity. Psychological signs of the spontaneous speech are defined. Factors of a ratio of the spontaneous speech with such oppositional couples, as oral and written; informal and literary speech. The conclusion is drawn that the oral spontaneous speech will be organized according to the main objective of the speaker – to be understood. The selection of means for achievement of this purpose is conducted at of subconscious and conscious level.

The author also marks out that in the course of oral, direct, communication, unlike written direct one, exchange of information proceeds at once on several channels: acoustical, visual etc. that in turn causes redistribution of information load between them, and spontaneity of the speech makes its structure fragmentary, unregulated, rough.

Keywords: oral speech, language, speech study, Russian language, philology.

Занимаясь изучением устной речи, исследователи сталкиваются прежде всего с проблемой её порождения, организации (структуры) и специфики на всех

уровнях. Как известно, устная речь, в отличие от письменной, обдумывается говорящим (зарождается в его голове) и произносится (порождается) одновременно, т. е. человек, как правило, не успевает продумать, *как* именно он будет сейчас говорить. Если в письменной речи существует такое понятие, как *обратимость* (мы можем вернуться к началу или любому фрагменту текста, внести коррективы, что-то исключить, или, наоборот, добавить), то для устной речи характерна *необратимость*. Ср.: «Устная речь необратима – такова её судьба, однажды сказанное уже не взять назад, *не приращивая к нему нового* (курсив автора. – З. К.); “поправить” странным образом значит здесь “прибавить”» [1, с. 541].

Лингвистика уже давно изучает литературно-письменную речь, к устной же она обратилась лишь в 60-х годах XX века. Известны школы, созданные такими выдающимися отечественными учёными, как О.Б. Сиротина, Е.А. Земская, О.А. Лаптева. Их основной задачей стало изучение устной разговорной речи.

Важнейшей чертой устной речи является её *спонтанность, неподготовленность*. В настоящее время происходит увеличение роли спонтанной речи, смещения стилей и развития процессов аксиологизации языка и речи [9, с. 74.]. Как уже было сказано, если при создании письменных текстов каждое высказывание в той или иной степени обдумывается и при необходимости корректируется, то в устной спонтанной речи всё обстоит иначе: момент продуцирования речи совпадает с моментом её обдумывания. Иными словами, мы обдумываем, *что* сказать и *как* сказать, в самом

процессе говорения. При этом сознание говорящего настолько занято этой напряжённой работой, что, можно сказать, не фиксирует никаких особенностей произносимой речи.

Ещё одной важной чертой устной речи, отличающей её от письменной, является *непосредственность* общения. Письменная речь представляет собой *опосредованное* общение, говорящий (пишущий) вступает в контакт со слушающим (читающим) посредством письменного текста. При этом партнёры коммуникации лишены возможности переспросить, уточнить что-либо, увидеть реакцию собеседника. При непосредственном общении говорящий не просто видит реакцию собеседника, но и учитывает её в дальнейшей коммуникации.

Особенности речи наблюдаются практически у каждого индивида. В течение одного года мы работали над изучением речи информанта-медика. Это женщина, стоматолог, 45 лет, с высоким уровнем речевой компетанции – работает в поликлинике и преподаёт хирургическую стоматологию в Медицинской академии. Собранные нами наблюдения послужили материалом для исследования устной речи данного индивида.

Наш информант принимал участие в проекте «один речевой день». Запись производилась с использованием диктофона в течение одного дня. Информанту также было предложено записывать в блокноте, с кем он беседует и описывать различные коммуникативные ситуации (например, “на работе в поликлинике”, “на лекции в Медакадемии” и др.). Любопытно, что информант не смущало то, что ведётся запись его разговоров, он вполне естественно вёл

себя в течение целого дня и абсолютно не задумывался над тем, *что* сказать далее и *как* сказать. То есть речь информанта на протяжении всей записи можно отметить как неподготовленную, а значит, богатую специфическими чертами. Важно также заметить, что наш информант читает лекции в Медицинской академии, а значит, ему привычно выступать перед большой аудиторией. В этом заключается определённая лёгкость в собирании материала для нашего исследования.

Изучением специфики устного спонтанного монолога в последнее время активно занимаются в Санкт-Петербурге [см., например: 15, 16, 17, 27, 28, 12 и мн. др.], но многие свойства и функции устной монологической речи ещё нуждаются в дальнейшем описании и осмыслении.

Спонтанная речь может быть соотнесена с такими оппозиционными парами, как *устная и письменная речь*; *разговорная и литературная речь*.

Метод *оппозиции* в описании классификаций, свойств, признаков уже давно начал использоваться не только в фонологии. Противопоставляться могут не только признаки, которые отличают один член оппозиции от другого, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения» [27, с. 72]. Часто можно сталкиваться и с явлением переноса фонологических терминов в описание нефонологических явлений: «Какой лингвист, если он абсолютно чужд веяний последних десятилетий, не употреблял терминов “оппозиция”, “нейтрализация”, “маркированность” и т. д. в описании нефонологических явлений?» [26, с. 74]. По справедливо-

му замечанию В.В. Кукановой, «применение метода оппозиций перспективно в плане изучения системности языка и речи, в выделении классов языковых и речевых явлений» [20, с. 45].

Живая устная речь может проявляться по-разному в зависимости от предмета разговора, условий общения и т. п. Как отмечал М.М. Бахтин, «речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определённого речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения и т. п. Такие жанры существуют прежде всего во всех многообразнейших сферах устного бытового общения» [2, с. 256-257]. Таким образом, выделяют три основных жанра устной речи: *монолог, диалог, полилог*.

Первым, кто положил начало разделению диалога и монолога, был Л.В. Щерба, который писал о диалоге как о «цепи реплик», и о монологе – как «организованной системе облечённых в словесную форму мыслей, являющихся отнюдь не репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих» [31, с.15]. Диалог признавался автором формой существования разговорной речи, а монолог – «литературным произведением в зачатке». Диалог и монолог различаются прежде всего структурой, при этом диалог называется обычно естественной формой существования языка, а монолог – искусственной.

В.В. Виноградов считал, что монологическая речь часто входит в состав диалогической. Основным показателем речи становится не форма коммуникации, а цель, преследуемая участ-

ником речевого общения [7, с. 20-21]. О.А. Лаптева полагает, что «различие диалога и монолога в устно-разговорной разновидности литературного языка вполне условно» [21, с. 52]. Для Н.Ю. Шведовой монолог обладает большой степенью традиционности при выборе языковых, композиционных и других средств и имеет, как правило, более сложное синтаксическое построение по сравнению с репликами в диалоге и полилоге. Диалогические же и полилогические реплики не являются достаточно самостоятельными единицами, с точки зрения как формы, так и содержания, и в большой степени обусловлены ситуацией. Взаимосвязанность высказываний в диалоге и полилоге – всегда смысловая и коммуникативная [30, с. 281].

Существует и такое понятие, как «бытовой спонтанный монолог», характеризующийся «неподготовленностью, непринуждённостью, неофициальностью и необязательным участием говорящего в акте коммуникации, роль второго участника такого акта, сводится к минимуму – дать собеседнику толчок, стимул для порождения речи» [4, с. 8]. По мнению Н.В. Богдановой, степень спонтанности такого монолога зависит от многих факторов; одним из них является «степень лингвистической мотивированности» [4, с. 8]; речевого произведения, которая раскрывает зависимость лингвистических особенностей монолога от некоторого «стимула» (исходного (первичного) текста), послужившего толчком к появлению вторичного текста (монолога как «продукта речевой деятельности») [2, с. 9]. Здесь в качестве примера приведём фрагмент пересказа (вторичный текст) нашим инфор-

мантом. Исходным текстом послужил рассказ М.М. Зощенко «Рубашка фантази»:

ну / в общем / здесь рассказывается (м-м) / ну / следующая история / (э-э) <вздых> от первого лица / я // <вздых> (м-м) // купил на днях / рубашку / не / вернее / хотел купить себе рубашку / такую какую-то необычную / ну (м-м) // как // не хуже заграничной // и вот купил / не-принёс домой / примерил / а // кстати на днях / в воскресенье / намечалась вечеринка <вздых> и принёс домой (...) примерил её там / рубаху (э-э) небесного цвета с двумя пристежными воротничками (а-э) / как примерил / очень красиво / (а-м) загляденье / ну / понравилось в общем

Бытовые спонтанные монологи построены иначе, чем устные и письменные тексты на кодифицированном литературном языке, и наиболее показательными в этом смысле являются синтаксис и композиция [см., например, 5].

В процессе устного, непосредственного, общения, в отличие от письменного, опосредованного, обмен информацией протекает сразу по нескольким каналам: слуховому, зрительному и т. д., что в свою очередь обуславливает перераспределение информационной нагрузки между ними. Спонтанность речи делает её структуру фрагментарной, неупорядоченной, негладкой. Такая структура *не может обеспечить* того качества речи, которое является обязательным для языка документов, – требования точности. Поэтому специфика спонтанной речи как раз и заключается в её раскрепощённости, нерегламентированности, в отсутствии жёсткой текстовой структуры. В отличие от письменной, устная речь

делится не на предложения – границы предложений в устной спонтанной речи бывает очень трудно установить, – а на речевые сегменты и предикативные единицы, ср.:

• – Ну / что ж ты расхотелась так // Экая занозистая // ей скажи только одно слово / а она уж в ответ десяток // Поди-ка / принеси огоньку / запечатать письмо // Да стой / ты схватишь сальную свечу / сало дело топкое / сгорит / да и нет / только убыток / а ты принеси-ка мне лучинку /. (Н. Гоголь Мёртвые души).

Необратимость речевого потока и одновременность процессов обдумывания и порождения речи проявляются в целом ряде характерных синтаксических черт, свойственных устной речи: *самоперебивы*, являющиеся следствием коррекции, уточнения речевого замысла в процессе говорения; частые *повторы* и *обызвращения* слов, выражений и даже целых высказываний, используемые для заполнения пауз хезитации (этим же целям служит часто повторяющаяся незначительная или малозначимая лексика: *так, вот, значит, дальше, по сути дела, потом, в принципе* и т. д.) и мн. др.

Устная спонтанная речь организуется в соответствии с основной задачей говорящего – быть понятым. На уровне подсознания и сознания ведётся отбор средств для достижения этой цели. Если говорящему безразлично, поймут его или нет, то наблюдается разбалансирование вербального и невербального, актуального и неактуального. Спонтанная речь организуется на уровне интенции, но программирования внешней формы высказывания не происходит. Говорящий, не имея чёткой и жёсткой программы, может

использовать то, что лежит на поверхности (в подсознании).

Внимание говорящего сосредоточено на текущем моменте. От решения – *что* сказать и *как* сказать – зависит степень восприятия и реакция слушающего. Многие изменения, произошедшие и происходящие в речи, обусловлены стремлением говорящих к эффективной коммуникативной организации общения.

Последние годы лингвистика активно изучает явление хезитации. Пауза – необходимое и обязательное речевое явление, в первую очередь служащее универсальным средством членения устной речи на фразы и синтагмы, а также средством выражения характера связи между частями высказывания и смыслового и эмоционального выделения одной из таких частей [13, с. 124]. Основной функцией пауз хезитации в спонтанной речи признаётся продумывание речи одновременно с её порождением и восстановление её структуры [13, с. 131].

Особую значимость в современной спонтанной речи имеют различного рода *повторы*. В «Фонетике спонтанной речи» явление *повторов* рассматривается при описании спонтанного научного монолога. А в коллективной монографии «Звуковой корпус как материал для анализа русской речи» [13] повторы рассматриваются на ином материале: чтении текстов и их пересказов, описаний изображения, свободных рассказов. Повторы относятся к области *исключительно устной речи* и квалифицируются как «внутрифразовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» [28, с. 172]. Повтор

может возникнуть (подобно паузе хезитации) как результат колебания в выборе последующей лексической единицы или семантико-синтаксической конструкции и, сознательно используемый говорящим, в устной речи служит текстообразующим и стилистическим средством [13, с. 138].

При исследовании речи нашего информанта (запись «одного речевого дня») ОРД можно заметить, что повторов здесь практически не наблюдается (в счёт не идут повторы предложений при диктовке лекции). Но любопытно заметить, насколько много их при пересказах прочитанных текстов.

Повторы выполняют различные функции. Чаще это *повторы-хезитации*. Они избыточны с коммуникативной точки зрения, но необходимы для создания прагматической установки. Поэтому в спонтанной речи повторы способствуют развёртыванию диалога.

Как неотъемлемую характеристику устной спонтанной речи многие исследователи отмечают *перебив* [см., например: 24, 13, 22 и мн. др.], однако ни в одной из научных работ не удалось найти его терминологического определения. Перебив обычно рассматривается как показатель прерывности устной спонтанной речи (в особенности диалогической), её политематичности, когда говорящий не заканчивает фразу или слово, «перескакивает» с одной темы на другую, тем самым перебивая самого себя [13, с. 142].

Повторим, что на протяжении всей записи ОРД у нашего информанта не было замечено ни одного перебива. Речь звучала достаточно «гладко», уверенно. Этого нельзя сказать о пересказах информантом предложенных текстов – сюжетного и несюжетного. Как

раз в этом случае наблюдалось большое количество перебивов и повторов:
примет так много / что-о // (м-м) нет / нет им счёту

например / мы узнаём (э-м) хотя нет / хотя в городе приметы особо так / не пользуются успехом (Исходный текст – К.Г. Паустовский «Несколько слов о приметах»).

Хотелось бы заметить, что в настоящей работе представлены лишь самые общие черты устной спонтанной речи.

На наш взгляд, нельзя не отметить социолингвистический аспект изучения спонтанной речи, который включает в себя такие характеристики человека, как возраст [19, 10, 6, 19], пол (гендер) [24, 8, 14, 3, 9], профессия [22], профессиональное или непрофессиональное отношение говорящего к речи, уровень речевой компетенции [4]. Здесь необходимо кратко сказать о каждой такой характеристике.

Речь взрослого человека приобретает некоторые особенности в зависимости от того, к какому из поколений он принадлежит. Речь пожилых людей сохраняет в некоторой степени особенности нормы ушедших лет [13, с. 79]. «В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего – больше слов, выходящих из употребления» [6, с. 78].

Естественное разделение человечества на мужчин и женщин не могло не оказать влияния на речь как продукт, на речь как процесс и на речь как поведение говорящих. Важно понимать, что гендер имеет не биологическую природу, как это было принято считать достаточно долгое время. Существует мнение, что гендер является в большей степени психологическим признаком. Данный социальный фактор, как

считает Е.В.Ерофеева, преломляется в биологическом и социальном именно через психологию говорящего [12, с. 127]. Так как нашим информантом является женщина, то её разговорная речь, конечно же, отличается, прежде всего, темой беседы, а также выбором слов и выражений, которые мужчина, по всей вероятности, практически не употребляет (например: *А я вчера купила себе туфли на платформе; накладывала макияж; записалась к визажисту и т. п.*).

О влиянии профессии (или *рода деятельности*), что не всегда, особенно в современной действительности, совпадает с профессиональной принадлежностью) на речь человека писали многие известные лингвисты. «Профессия может сформировать у личности и особую позицию в выборе и построении более крупных единиц речи, например, предложения» [22, с. 244].

Несомненно, у человека, чья профессия тесно связана с речью, уровень речевой компетенции выше, чем у того, кто использует речь только как средство общения. Специфика профессии, создающей жёсткие условия выступления перед аудиторией и, следовательно, развивающей подобные навыки, организует говорящего, ориентирует его на более строгое отношение к подбору элементов речевых конструкций и к построению высказывания в целом [13, с. 84].

Уровень речевой компетенции (УРК) определяется целой совокупностью социальных характеристик человека, среди которых ведущее место занимают уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности [13, с. 86].

Актуальной на сегодняшний день остаётся проблема исследования общих и индивидуальных в синтаксических особенностях устной речи индивида.

Например, из общих признаков в речи нашего информанта можно отметить паузы (их достаточно много), довольно частое употребление частицы *вот*, поговорок (ср., например: *Я на этих работах кручусь, как белка в колесе; Сегодня дождь льёт как из ведра*). Из индивидуальных черт можно выделить такую речевую особенность информанта, как частое употребление выражений типа *Можете мне поверить; Уверю вас; Поверьте*, а также неправильную постановку ударения (ср., например: *лОток* вместо *лотОк*; *средствА* вместо *срЕдства*; *кОнсилиум* вместо *консИлиум* и др. Несмотря на то, что это информант с высоким УРК, иногда в его речи встречаются искажения слов, например, *обезбАливающее*.

В завершение хотелось бы заметить, что работа с данным информантом как с языковой личностью продолжается, исследуются индивидуальные особенности речи информанта, и в последующих работах мы представим результаты нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Гул языка // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. статья Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 541-544.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1979. – 239 с.
3. Богданова Н.В. Живые фонетические процессы русской речи. Пособие по спецкурсу. – СПб.: Изд-во СПб. гос. унта, 2001. – 321 с.

4. Богданова Н.В. о единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ... СЛОВО ОТ ЗОВЁТСЯ. Памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – 412 с.
5. Богданова-Бегларян Н.В. о проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Выпуск 11 (18) / гл. ред. А. Е. Кибрик. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – С. 71-83.
6. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – 101 с.
7. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 23 с.
8. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ). Автореф. дис. ... канд. филол. н. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1996. – 99 с.
9. Дементьева М.К. Языковая личность политика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 2. – 2011. – С. 74.
10. Ерофеева Т.И. Вертикальное членение языка: об объектах социальной диалектологии // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т. И. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. Вып. 3. – С. 3-6.
11. Ерофеева Т.И. опыт исследования речи горожан. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991. – 132 с.
12. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. – 298 с.
13. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. описание / Авт.: Н.В. Богданова-Бегларян (Богданова), И.С. Бродт, В.В. Куканова, О.В. Павлова (Ильичёва), Е.М. Сапунова, И.А. Суббота, Н.С. Филиппова, Н.А. Хан, В.М. Чуйко и др. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Изд-во С.- Петерб. гос. ун-та, 2013. – 354 с.
14. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука Формат, 1981. – 332 с.
15. Ильичёва О.В. Синтаксические признаки спонтанной речи в соотношении с социальными характеристиками говорящего // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 16-22 марта 1998 г. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1998. – С. 32-35.
16. Исследование отражения в речи некоторых социальных характеристик говорящего. отчёт ЛЭФ. – Л., 1987 (машинопись). – 8 с.
17. Исследование отражения в речи некоторых социальных характеристик говорящего. отчёт ЛЭФ. – Л., 1988 (машинопись). – 23 с.
18. Исследование отражения в речи некоторых социальных характеристик говорящего. отчёт ЛЭФ. – Л., 1990 (машинопись). – 9 с.
19. Крысин Л.П. Русский язык по данным массового обследования. опыт социально-лингвистического изучения. – М.: Наука, 1974. – 44 с.
20. Куканова В. В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дисс. ... канд. филол. наук. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2009. – 77 с.
21. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 99 с.

22. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера (сборник статей). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 240-245.
23. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – 55-56 с.
24. Рыжкина О.А., Реснянская Л.Н. Психологический и социолингвистический анализ языкового портрета горожанина (экспрессивы женщин и мужчин) // Живая речь уральского города. Сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. – С. 33-47.
25. Сиротинина О.Б. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного литературного языка. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1992. – 132 с.
26. Стеблин-Каменский М.И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. – М.: Просвещение, 1974. – С. 74-80.
27. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 66 с.
28. Фонетика спонтанной речи / под. ред. Н.Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. – 223 с.
29. Фонология спонтанной речи / Отв. ред. Л.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 56 с.
30. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 189 с.
31. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 11-20.